

Интервью с Евгением Афонасиным



Евгений Афонасин — кандидат философских наук, магистр искусств по специальности "медиевистика" — является в настоящее время наиболее авторитетным из отечественных исследователей, занимающихся гностицизмом, будучи также специалистом по неопифагорейству, неоплатонизму и греческой патристике. В скором времени в магазинах появится трехтомник Климента Александрийского в его переводе. Мы обратились с просьбой об интервью к Евгению Васильевичу в связи с выходом его книги "В начале было... Античный гностицизм в свидетельствах христианских апологетов"

— Евгений Васильевич! Вы опубликовали серию работ по истории гностицизма, последней из которых является ваша новая книга "В начале было...". Чем эта тема заинтересовала Вас?

— В последнее время гностицизм как "окультурный" тип мировоззрения вновь приобретает популярность. Возможно, это результат чрезвычайной публичности, которую получила (почти детективная) история о неожиданном и счастливом обретении в 1945 г. корпуса гностических писаний. Возможно, дело обстоит прямо противоположным образом. Гносис оказался в чем-то созвучным современной эпохе, и отсюда такая популярность, а как следствие — внимание к находкам (ведь несколько коптских гностических кодексов было открыто еще в XIX в., но они не вызвали такого интереса и даже не были опубликованы). Как бы там ни было, во многих странах мира в настоящее время основываются гностические церкви и «тайные союзы» гностиков, об этом снимаются художественные фильмы и пишутся романы. Для того чтобы адекватно отразить сложившуюся ситуацию, необходимо внимательное и скрупулезное исследование. Разумеется, его результаты не будут столь яркие и публицистичны, однако могут претендовать на известную степень достоверности. В отечественной литературе данная проблематика еще почти не разработана, зарубежная литература по этой теме, хотя она и значительно обширнее, также во многом носит предварительный характер. Старое представление о гностицизме, равно как и сам этот термин, выкованный в XIX в., в настоящее время вызывают сомнения. Однако мы еще очень далеки от окончательных выводов, и на данном этапе не вправе делать категоричных суждений. Самой главной задачей на данном этапе представляется переоценка доступных нам исторических свидетельств в свете новых находок и новых достижений в области изучения позднеантичной и раннехристианской философии. На реализацию именно этой задачи и было направлено мое исследование.

— Насколько мне известно, по истории гностицизма за последнее время в России не выходило столь же основательных и подробных исследований, как Ваше. Можно ли ожидать ренессанса гностических штудий в отечественной науке в ближайшее время?

— В действительности все не так плохо. Многие в деле изучения коптской гностической библиотеки сделали московские исследователи, прежде всего М. К. Трофимова. Недавно

вышло несколько работ А. Л. Хосроева. Однако это в основном источниковедческие труды, и философия гностицизма действительно до настоящего времени исследована недостаточно. Так что мою работу можно рассматривать как одну из первых попыток. В настоящее время работа ведется в рамках нескольких проектов. При СПбГУ активно действует Совет молодых ученых, при котором уже больше 10 лет существует Платоновское общество. Это общество проводит научные конференции и школы, причем гностической и герметической традиции в докладах уделяется особое внимание. Активные исследования ведутся и на философском факультете НГУ, при котором создан «виртуальный» Центр изучения классической традиции (www.philos.nsu.ru/classics/). На странице этого центра можно найти выдержки и из моих недавних публикаций. Недавно в НГУ был прочитан курс по истории эсхатологических идей и в настоящее время на портале auditorium.ru проходит интернет-конференция «Эсхатология. История и современность». Совершенно очевидно, что гностицизм и схожие с ним интеллектуальные явления — это живая традиция, нуждающаяся в пристальном внимании исследователей. В США, к примеру, существует и активно действует гностическое общество. Об этом можно подробнее узнать по адресу: www.gnosis.org.

— *Какие книжные новинки вы могли бы рекомендовать нашим читателям?*

— В продолжение только что сказанного, можно упомянуть о двух недавних публикациях. Первая из них, книга Александра Владимирова "Апостолы. Гностико-эллинистские истоки христианства" представляет собой образец неогностицистских штудий. В заключение автор без обиняков заявляет: "Христианство Христа возникло не из йахвистского иудаизма, а (...) из восточного гносиса" (с. 393). Автор дважды цитирует мои работы (один раз об Аполлонии Тианском, другой — в связи с Климентом Александрийским), оба раза, впрочем, с одобрением, так что грех не откликнуться. Книга посвящена ставшей в последнее время популярной теме о «дохристианском христианстве», однако вызывает смешанные чувства. Начинается она с довольно связанного раздела, основная мысль которого сводится к доказательству необъективности раннехристианских церковных историков и апологетов. Об этом я также писал, и в целом критицизм по отношению к церковной истории в настоящее время является общим местом. У некоторых исследователей даже возникло желание впасть в другую крайность и попытаться найти у Иринеев, Евсевия или Епифания хоть что-нибудь позитивное. Однако далее тотальный критицизм по отношению к сообщениям отцов церкви неожиданно сменяется на столь же тотальное доверие к литературной факции Флавия Филострата — роману-жизнеописанию Аполлония Тианского, который как исторический документ не преподносит даже сам автор! И далее, в основном в последней главе, крайне недостоверные и тенденциозные сообщения того же Евсевия о мифическом Пантене, якобы учителя Климента Александрийского и основателя школы, которой потом заведовал Ориген (см. об этом в моей книге "В начале было...", с. 138–142), уже принимаются за чистую монету. На самом деле разгадка проста. А. Владимиров в основном базируется уже не на исторических источниках, а на туманных откровениях, извлекаемых им из работ Блаватской. Он им безоговорочно верит, и я не намерен разубеждать кого-либо в этом пункте. Просто в таком случае не следует смешивать жанры и вводить читателя в заблуждение видимостью научной объективности. Впрочем, подобный стиль характерен для многих "окультистов": они сначала долго путают читателя, а потом, когда он созреет, выдают ему истину в последней инстанции, с которой

он уже не в силах спорить. А жаль, поскольку в остальном автор внимательно работает с источниками, знает современные публикации и некоторые из его наблюдений не лишены новизны и оригинальности. В результате за осмысленными соображениями следуют совершенно неадекватные выводы (например, на с. 118), которые просто из предыдущего не вытекают. В частности, оказывается, что ессеи, терапевты, «целители» и назареи — это одно и то же (с. 410), гносис Валентина почему-то оказывается "орфическим" ответвлением гностицизма (с. 511), "Апокриф Иоанна" из текстов Наг Хаммади почему-то упорно называется Евангелием Иоанна (с. 454), а Канон Муратори по-прежнему датируется 2-м веком, хотя давно уже доказано, что он относится к 4-му. На стр. 405 сл. говорится о гностиках мандеях, едва ли адекватно, однако в данном случае читателю можно рекомендовать обратиться к другой книжной новинке, вышедшей в серии, посвященной исследованию культур Востока, курируемой питерским издательством "Летний сад". В этой серии недавно вышла книга М. Б. Мейтарчяна "Погребальные обряды зороастрийцев", теперь же вниманию читателей предлагается первый в отечественной литературе сборник работ, посвященных загадочным наследникам античного гносиса — секте мандеев: "Мандеи: История, литература, религия".

18.3.2003